

Российское пространство: от историко-философского осмысления к государственно-правовому

Сам термин «пространство» имеет общефилософское толкование и вводится в правопведение в качестве тщательно разработанной философской категории. В своих различных ипостасях термин пространство выполняет конкретно-научные, оценочные и познавательные функции в различных областях знания, где исследуются такие явления, как физическое пространство, географическое пространство, государственное пространство (государственная территория), правовое пространство и т.д.

К сожалению, в современной юридической науке термин «пространство» представлен своей малой толикой, когда изучается вопрос о действии нормативных юридических актов во времени, пространстве и по кругу лиц. Проблематика действия нормативно-правовых актов в рамках государственной территории ограничивается анализом, во-первых, проблемы действия актов на всей территории государства или на ее определенной части, и во-вторых, степени применения и роли положений международного права в национальной правовой системе.

Причем даже этот аспект проблемы считался советским правопведением не столь значимым. Как отмечал С.С.Алексеев: »Пределы действия нормативного юридического акта устанавливаются по трем основным измерениям: по времени, территории, лицам. Основное теоретически и практически важное из этих измерений — действие акта во времени»¹. С обеспечением действия нормативно-правовых актов в советском правовом пространстве особых проблем не возникало, оно презюмировалось как нечто чрезвычайно стабильное и послушное.

Однако процессы разрушения Союза ССР, становления новой формы российской государственности — Российской Федерации, возникающие на правовом пространстве России проблемы с очевидностью выводят на передний план вопросы сохранения правового пространства страны, его развития.

В данном случае предметом исследования выступает правовое пространство как один из инструментов изучения современной российской правовой действительности, перспектив развития российской государственности и рассмотрения возможности формирования в России правового государства. Следует отметить, что несмотря на достаточно частое упоминание в юридической литературе понятие правовое пространство не было подвергнуто глубокому специально-юридическому анализу. Потребность в подобном анализе обусловлена тем, что исследование правового пространства, его составных частей и элементов, основных признаков, принципов формирования и закономерностей развития позволяет раскрыть основные черты права и государства как социальных явлений и, что более важно, определить необходимые критерии и механизмы, применение которых в современной Российской Федерации позволяет обеспечить сохранение государства и его прогрессивное развитие.

Исследуя правовое пространство как юридическую категорию, с необходимостью следует выделять закономерности его формирования, развития. Изучение категории правового пространства в соответствии с требованиями материалистической диалектики заключается, что закономерности его развития не могут быть раскрыты вне связи с государственным пространством и государственной властью. В этом объективная затрудненность исследования правового пространства. Право в его позитивистском понимании предстает как четкая модель, подчиняющаяся законам и логике, сходной с математической. Однако с другой стороны, право обусловлено социальными явлениями, экономическим системой общества и испытывает на себе сильное политическое и социальное воздействие. Прежде всего в создании правовых норм проявляется верховенство государственной власти. Однако «в условиях подлинной демократии, — отмечает Г.В.Мальцев, — связь между правом и государством зависима и производна от связи между правом и обществом... Истинным создателем права является демократическое общество, а государство осуществляет известные действия по изданию юридических актов и организации их исполнения...»².

Позитивное право неразрывно связано с государством. Поэтому правовое пространство непосредственно обусловлено обслуживаемым тем или иным правом государственным пространством. Эта взаимосвязь обуславливает перенос ряда основных характеристик государственного пространства в категории, характеризующие правовое пространство. Среди них такие категории, как целостность (государственная и правовая), суверенитет (государства и государственной власти), верховенство (прежде всего федерального законодательства в сложностоставных государствах) и др.

С другой стороны, правовое пространство предстает как самостоятельное и в некоторой степени обособленное от государственного пространства явление, развитие которого характеризуется собственной совокупностью признаков.

Особую актуальность рассмотрению этой проблемы в России придает отсутствие ясного ответа на вопрос: Где начинается и где кончается Российское государство? Аналогичный вопрос для гражданина любой европейской страны, если и не примитивен, то, по крайней мере, не сложен. Британцы, французы, испанцы и итальянцы, не задумываясь, опишут географические пределы своего государства и тем самым, ничуть не смутившись, определят, что есть Франция, Великобритания, Испания или Италия.

До 1990 г. в Европе был лишь один народ, для которого при ответе на этот вопрос были необходимы дополнительные объяснения. Каждый гражданин как Федеративной Республики Германия, так и Германской Демократической Республики понимал, что его государство — еще не вся Германия. С падением Берлинской стены и подписанием 31 августа 1990 г. Договора об объединении Германии этот вопрос перестал быть затруднительным и для немцев. Германский вопрос для Европы, в том виде, в каком он был поставлен после окончания II мировой войны, исчерпал себя. Но тогда же в Европе появился другой народ, которому для ответа на поставленный вопрос понадобилась целая система обоснований и пояснений. Это — народ России. Появился новый вопрос европейской и мировой политики — Русский вопрос: «Что такое Россия? Где она находится? Где начинается и где кончается?».

Однажды Анна Ахматова от лица своего поколения сказала: «Была Россия, мы все ее любили. Стало СССР. Как я могу любить это нагромождение согласных.» Однако при всех идеологических и иных возражениях государственная идентичность

Российской империи и Союза ССР не оспаривалась ни в самой стране, ни за ее пределами. Советский Союз был лишь очередной государственно-правовой формой, объединяющей ту же самую территорию (за не столь значительными изъятиями) и то же самое население, что и Российская империя. Поколения, пришедшие на смену ахматовскому и выросшие в Советском Союзе, полюбили это «нагромождение согласных» и болезненно пережили его разрушение. Юридическим продолжателем Советского Союза стала Российская Федерация, основная часть и сердцевина исторической России, переживающей очередной этап своей дезинтеграции. Трудно не согласиться со словами Мак-Дауэлла, что «сегодняшняя Россия напоминает человека, который пытается сложить рассыпанные кусочки древней мозаики, секрет которой он утратил».

Секрет этой мозаики в общем свode идей и ценностей, выработанных в ходе многовековой совместной истории, в единых представлениях о человеке, о роли государства и государственности в развитии народа, во взглядах на прогресс и духовное развитие. Вне зависимости от религиозных и этнических различий эти идеи и концепции стали общедоступными и понятными для любого представителя российского социума, сформировали всю систему общественной жизни на шестой части земного шара.

Если дополнить к этому географический, пространственный элемент, то можно представить цельную российскую идентичность как итог совместной исторической жизни, сплав общего духовного миропонимания и взаимосвязанных друг с другом надежд на историческую перспективу. Безусловно, основная роль в осуществлении надежд на будущее отводится стабилизации экономического положения в стране. Тем не менее при прагматичном подходе успешное внутреннее развитие возможно лишь при адекватном подходе к внешним стратегическим задачам по утверждению России в окружающем ее мире. Здесь выстраивается следующая система внешнеполитических приоритетов, иногда включающая в себя и некие парадоксальные моменты: 1) объединение с Беларусью; 2) федерализация Украины и Казахстана; 3) экономически сильная единая Европа при сохранении ее политической многополярности; 4) утверждение гегемонистских стремлений в политике США; 5) стабильный коммунистический Китай; 6) усиление стран «третьего» мира; 7) выработка и

продвижение Россией своей модернизированной культурной (цивилизационной) модели, сочетающей традиционные устои с технологическим прорывом.

За тысячелетия своего развития каждый народ создает свою собственную систему государственной (национальной) идеи. Часто эта государственная идея превращается в некий конгломерат мифов об особом предназначении и особой роли в мировой истории. Причем одна из идей становится ведущей, основой для всей государственной идеологии. Если вся германская история выводится из государственного мифа о Священной Римской империи германской нации, то вся русская история основывается на идее Святой Руси и обусловленным ею стремлением расширить государственные пределы России.

Особенности исторического развития русского суперэтноса привели к необходимости дополнительной четкости при определении таких понятий, как «русская нация», «русский народ». Советская теория нации исходила из культурно-бытового единства этноса при формировании нации, основанного на многочисленных признаках, среди которых общность языка, религии, происхождения и т.п. При всей значимости каждого из вышеперечисленных признаков ни один из них не является определяющим. Действительно, принадлежность к одной и той же религии сплачивает и объединяет людей, но русские и греки, будучи православными, не образуют единой нации. Несомненно, общность языка играет одну из важнейших ролей в национальном самоопределении, но русский в России и русский в Америке, сохранивший язык, но потерявший гражданство, вряд ли чувствуют свое единение. Люди, говорящие на одном и том же языке, лучше понимают друг друга, но не образуют единой нации. Несомненно, общность происхождения, истории лежит в основе нации, но нация - это продукт сложных процессов ассимиляции, в результате которых к одной нации относятся даже люди различных рас.

Итак, если все вышеперечисленные признаки выступают в качестве второстепенных, то что же действительно формирует народ, какие факторы выступают в качестве основополагающих. Это:

— психологический фактор, осознание своей принадлежности к нации. Можно говорить на разных языках, исповедовать различные религии, следовать различным традициям, но если в сознании человека укоренена мысль об его единстве с другими людьми, проживающими с ним в одном государственном про

странстве, то это скрепляет сильнее многих других факторов. Осознание бед этого государства и этого народа как своих и есть психологический фактор в процессе формирования единства нации;

— юридический фактор, государственно-правовая принадлежность человека к тому или иному государству. В своей «Русской правде» декабрист П.И.Пестель отметил, что «опыты всех веков и всех государств доказывали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их обделывают правление и законы, под коими они живут». Скрепляет все вышеперечисленные признаки именно юридическая, правовая принадлежность человека к тому или иному государству.

Формирование нового образа России невозможно без определения ее национально-государственной идентичности. Если ранее поиск национальной идеи был уделом политологов и философов, то сегодня в этот процесс включились и юристы. В своей книге «Территория государства» С.Н.Бабурин заключает, что «Русская цивилизация предполагает гармоничное сочетание двух элементов: духовного (культурного) и земного (территориального, пространственного). Первый предполагает прежде всего русский язык, русскую культуру, второй — Русскую землю, ту территорию, которую в течение столетий осваивали и защищали русские люди, государственную общность, сложившуюся на этой территории»³. Предлагаемая схема с очевидностью должна быть дополнена государственно-правовым моментом, призванным обеспечить сохранение и развитие русской культуры на русской земле. Без четко определенной системы правовых инструментов поддержания внутrigосударственной стабильности и единства, без использования международно-правовых механизмов защиты интересов страны вне ее пределов российская государственность обречена на последовательное разрушение.

Из множества разрабатываемых юристами вариантов подобной государственно-правовой составляющей, на мой взгляд, наиболее достойной является предложенная в качестве современной «русской идеи в контексте всемирной истории» концепция цивилизма. Авторство известного российского правоведа, признанного специалиста в области философии права В.С.Нерсесянца придает этой концепции дополнительный авторитет. Отрицая одновременно и коммунистическую, и капиталистическую перспективу постсоциалистического развития

России, цивилизм призван освободить общество с социалистическим прошлым от «комплекса исторической неполноценности» и «избежать исторической дисквалификации» России.

В данной трактовке, цивилизм (производное от *civis* — гражданин) предстает как «послесоциалистический строй с неотчуждаемым правом каждого гражданина на гражданскую собственность». Большое достижение этой концепции в стремлении подвести под претензии России на роль великой державы соответствующее правовое обеспечение. Цивилизм позволяет преодолеть тупиковость социалистической перспективы для России, с одной стороны, и избежать, невоспринимаемой обществом капитализации, с другой.

Однако диалектика исторического прогресса не столь очевидна. Преодоление социализма и отвержение капитализма не означает безусловного продвижения вперед. Действительно, в ходе проведенных преобразований удалось сформировать свойственные капиталистическому обществу виды собственности, основы рыночных отношений, политическую систему. Однако, и здесь следует согласиться с В.С.Нерсесянцом, «эти начала и формы ... добуржуазные — по их природе и содержанию, по степени их социально-исторической развитости и т.д. ... Мы в результате проводимых реформ неизбежно оказываемся в докапиталистической (можно сказать, нефеодалной) ситуации»⁴. Подобная нефеодализация свойственна не только экономическим отношениям, она характеризует всю систему государственного устройства страны.

Современная организация российской государственности и российской правовой системы не отвечает вызовам времени. Реформа российского государства, всех сфер его политической, экономической и духовной жизни может быть эффективной только при адекватности нормативно-правовых актов, состояния системы права и системы законодательства как процессам, происходящим в обществе, так и потребностям социального прогресса. Несмотря на достаточно продолжительный временной промежуток самостоятельного существования российского права, российское правоведение и российское общество не достигли согласия по ряду основных вопросов реформирования государственного устройства России: Как должно быть организовано государственное пространство России? Из каких составных частей оно состоит, и в каких взаимоотношениях между собой эти составные части находятся? Какие механизмы используются российской властью для обеспечения единства государства?

Без ответа на поставленные вопросы трудно представить разрешение экономических проблем, стабилизацию политической ситуации в стране, преодоление национальных (этнических) противоречий и, в конечном счете, полноценное и обладающее перспективой развитие российской государственности.

При постановке этих задач и их разрешении необходимо четко видеть генетические предрасположенности российского права. В той степени, в какой каждый человек должен быть осведомлен о своих генетически обусловленных недугах, так и каждое государство должно оценить исторические опасности, обусловленные особенностями его формирования и развития. Вся российскую историю единство государства обеспечивалось силой власти. Право выступало не как общепризнанный регулятор общественных отношений, а как орудие власти в деле поддержания государственной стабильности. Единство российского государства основывалось не на силе права, а на силе власти. И когда власть оказалась слабой, правовые механизмы не смогли обеспечить сохранение государства.

В свое время Джон Стюарт Милль не без оснований заключил, что свободные институты едва ли возможны в стране, населенной разными национальностями, так как выработка единого общественного мнения, необходимого для этого, невозможна, если населяющие эту страну люди не испытывают друг к другу соседских чувств, говорят на разных языках и т.д. Это утверждение стало одним из расхожих при обосновании невозможности построения демократического общества в многонациональных странах вообще и в России в частности. Причем не только в современную эпоху. Так посетивший Россию еще в царствование Александра III итальянец Карлетти заключил: «Вообразите себе парламент, куда входит и самоед, одетый в оленью шкуру, и киргиз в своей тюрбетейке, и калмык в шелковом или бархатном бешмете, и армянин в своем черном кафтане, и черкес в башлыке из верблюжьей шерсти с набором снарядов на груди, и грузин в архалуке..., а затем уже следует великороссиянин, белорус, мингрелец, татарин, молдаванин, перс. Подумайте, какие тут могут быть однородные идеалы и партии, когда великоросс будет стоять на своих консервативных началах, малоросс станет увлекаться демократическими стремлениями, финляндец выдвинет свою конституцию, поляк — республиканские надежды, а монгол станет придерживаться авторитетных преданий

прежней власти. Кто сможет привести к согласию все эти разнородные стремления, вероисповедания, идеалы? Один лишь принцип царской власти, самодержавие. Надо в этом сознаться».

Однако подобный вывод обусловлен неверным истолкованием неверных логических посылок и, прежде всего, одномерным пониманием самих критериев демократичности государства. Если обратиться к достижениям современной политологии, то концепция правового государства содержит два типа демократических государств. Это:

— государства национально-демократические, характеризующиеся более или менее высокой степенью интеграции общества и его однородности, использующие в своей государственно-правовой деятельности механизмы мажоритарной демократии: мажоритарная избирательная система; ответственное перед парламентом правительство, формируемое партией, победившей на выборах; унитарность государственного устройства и т.д.;

— государства концессуальной демократии, которым свойственна многосоставность, множественность, неоднородность политической, этнической, социальной структур общества. Причем для государств этого типа использование механизмов мажоритарной демократии с необходимостью дополняется инструментами более сложного порядка, механизмами общественной, концессуальной демократии: пропорциональность как основной принцип политического представительства, в том числе и пропорциональная избирательная система; использование принципа большой коалиции при формировании правительства; высокая степень автономности структур гражданского общества; использование федеративных начал в государственном устройстве и т.д.

Очевидно, что Россия не обладает высокой степенью внутренней интеграции, характеризуется сложным этническим составом, высокой дробностью стратификации общества. Невозможность реализации в России принципов мажоритарной демократии не означает недостижимости демократии общественной (концессуальной).

Поэтому российское правоведение призвано обеспечить юридическую проработку механизмов правового регулирования, предназначенных для обеспечения процессов демократизации российского общества на основах концессуальной демократии. Что однако не отрицает необходимость политической модернизации российского общества, подразумевающей прежде всего национальную интеграцию, то есть замену региональных тра

диционных, религиозных, родовых, этнических, политических авторитетов многочисленных этносов на российском пространстве единым общенациональным общероссийским авторитетом.

В политической сфере основной задачей остается формирование нации как осознания каждым гражданином страны своей причастности к единому народу России. Причем этот процесс с объективностью подразумевает искоренение субнациональных, традиционных приверженностей и предпочтений и замену их предпочтениями и преданностью единой нации. В этом контексте демократизация вполне обосновано предстает как следствие интеграции нации. Попытки демократизировать процесс осуществления государственной власти до достижения единства нации опасны дезинтеграцией государства. Именно этим фактором обусловлены причинно-следственные связи между процессами «перестройки» и распада Союза ССР.

Ничего демократического в разрушении великого исторического государства нет, ни по форме, ни по содержанию. Российская Федерация в СССР не являлась метрополией для других прежних союзных республик, какой являлась в Британской империи Великобритания. Россия — это историческое сердце российской государственности, место соединения ее откровенных центростремительных векторов. Российская власть может сколь угодно часто признаваться в отсутствии имперских амбиций, в поддержке государственности новых независимых государств, подписывать соответствующие международные соглашения и издавать указы, но она не может лишить свой народ, свою культуру и свой язык объединительной функции.

С другой стороны ни в коем случае нельзя попасться на продвигаемую руководством ряда субъектов Российской Федерации концепцию, что в России должна быть реализована модель единого государства, состоящего из двух равновесных этноконфессиональных частей — славянско-православной и тюркско-исламской. Хотя игнорирование мусульманского и тюркского начал в структуре России опасно, и Россия изначально формировалась как многоэтническая и многоконфессиональная держава, никем не должно подвергаться сомнению, что Россия - государство, в основе которого русская культура, русский язык, русские традиции.

Идея сильной власти не удержала российское единство, идея права не смогла стать объединяющей для российского народа. Остается испробовать идею сильной власти, основанной на праве. Если в качестве ведущей ценности европейской культуры вы

тупает право, то в России таковой выступает власть. Но власть, неоснованная на праве, может воспроизвести лишь одну и ту же модель самодержавного или командно-бюрократического управления. Поэтому ключевым процессом действительного возрождения российской государственности должны стать процессы интеграции нации и восстановления единой сильной власти, основанной на праве. Государственно-правовое единство России при всем богатстве и разнообразии ее правового, этнического и социального ландшафта является неперенным условием успешности демократических преобразований. Вопреки расхожему мнению, раздробленная и слабая Россия обеспечить своим гражданам демократическое будущее будет не в состоянии. Это сможет сделать лишь Россия сильная и единая.

Примечания

¹ *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. Т. II. М., 1982. С. 238.

² *Мальцев Г.В.* Социалистическое правовое государство: ист. опыт и традиции. М., 1990. С. 147.

³ *Бабурин С.Н.* Территория государства: правовые и геополит. пробл. М., 1997. С. 405.

⁴ Подробнее см.: *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1997. С. 389-398; *Он же.* Цивилизм как русская идея // Рубежи. 1996. № 4. С. 129-153.